

Методы регенерации объектов индустриальной архитектуры в малых городах¹

На основе анализа теоретических источников и ряда проектов по регенерации индустриальной архитектуры выводятся принципы этой деятельности, обеспечивающие их «возвращение» в городскую ткань и социальные процессы. Соотнесены рабочие понятия проектов по регенерации, используемые специалистами разных стран. Представлен и частично апробирован мультикритериальный метод регенерации индустриального историко-архитектурного наследия, разработанный Дж. Клавером.

Ключевые слова: историко-архитектурное наследие, индустриальное наследие, парадигма, актуализация наследия, регенерация, методы регенерации, мультикритериальный метод.

BYSTROVA T. Yu.

METHODS OF REGENERATION OF INDUSTRIAL ARCHITECTURE OBJECTS IN SMALL CITIES

Based on the analysis of theoretical sources and a number of regeneration projects of industrial architecture, the principles of this activity are deduced that ensure their «return» into the urban fabric and social processes. The concepts of regeneration projects used by specialists from different countries are correlated. A multicriteria method for the regeneration of industrial historical and architectural heritage, developed by J. Claver, is presented and partially tested.

Keywords: historical and architectural heritage, industrial heritage, paradigm, updating of heritage, regeneration, methods of regeneration, multicriteria method.

**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

доктор философских наук,
профессор, Уральский
федеральный университет,
Российская Федерация.
Главный научный сотрудник,
филиал ФГБУ
«ЦНИИП Минстроя России»
УралНИИпроект,
Российская Федерация
e-mail: taby27@yandex.ru

Введение

Актуализация историко-архитектурного наследия — вопрос первостепенной важности для многих городов постиндустриального мира. Процесс приобрел такие масштабы, что о нем серьезно говорят с экономических позиций; так, в Великобритании, где наследием занимаются местные муниципалитеты и сообщества, показатель экономической активности в этой сфере в 2018 г. составил около 200 млрд фунтов стерлингов [10, 2]. Кроме того, разрушая индустриальное наследие, в том числе вернакулярную архитектуру, можно потерять культурную и/или этническую идентичность, о чем пишут авторы, к примеру, из Латинской Америки, всерьез обеспокоенные деградацией культуры своего региона [15, 1]. Строительство новых зданий сегодня в целом ряде случаев признается неоправданным, задача поддержания «в строю» исторических промышленных объектов и зданий, строившихся рядом с ними,

выходит на первый план [7]. Важно не просто любоваться руинами и эстетизировать их [12], но реабилитировать объекты и территории, вводя их в городскую ткань и в социальную жизнь, тем самым даже наращивая их ценность по мере нахождения новых видов использования [14, 4]. В противном случае города приобретают депрессивные районы, поддержание которых в текущем и, как правило, деградирующем состоянии нецелесообразно.

Малые города, в том числе Свердловской области, обладают обширным индустриальным наследием, значение которого постепенно начинает осознаваться администрациями и жителями. Но здесь нет опыта и — зачастую — воли к регенерации и актуализации наследия. Оправданием бездействию служат небольшие муниципальные бюджеты, значит, побудить к активности тех, от кого зависит принятие решений, может набор простых и эффективных инструментов, учитывающих все параметры проектов.

Работа в этом направлении ответственна не только перед прошлым, но и перед будущим городов, т. е. вдвойне, и не может происходить «под копирку». Недопустимы и произвольные решения, сулящие быструю выгоду («все снести

1 Работа выполнена по плану ФНИ на 2019 г. при поддержке РААСН и Минстроя России в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

и построить жилой квартал»). Необходимы серьезные предпроектные и постпроектные исследования, работа с населением, учет стратегических целей города, а значит, разнообразный гибкий профессиональный инструментарий. Отсюда **целью** статьи является поиск гибкого и адекватного современным задачам малых городов метода регенерации историко-архитектурного наследия. Объем статьи не дает возможность представления результатов его апробации, что может быть сделано на следующем этапе, однако критическая оценка найденного нами в специальной литературе мультикритериального метода сделана в данном тексте.

При всей синтетичности деятельности по актуализации наследия, методы работы с архитектурными объектами не могут ставить во главу угла исключительно девелоперские или управленческие задачи либо, напротив, ограничиваться исключительно работой с сообществом, хотя ряд современных авторов, пишущих о реабилитации и регенерации, косвенно проговаривают именно эти подходы [7, 10]. Недостаточно и чисто технических мер, работы исключительно с ландшафтом [3]. При привлечении жителей, проведении исследований и опросов, учете событий и персоналий меняется сам характер архитектурного проектирования. Критический анализ источников и конкретных проектов позволяет выбрать инструменты, наиболее адекватные задачам малых городов Уральского региона, специфика которых исследована нами ранее [2], и определить, подходят ли они для российских условий.

Две парадигмы работы с архитектурным наследием

Позиция тех, кто меняет сегодня отношение к наследию, возможно, неоднозначна и дискуссионна. Но она есть, и ее влияние расширяется. На первое место выходит нематериальная ценность архитектуры [6], задачи создания новой идентичности, приводящие к пониманию архитектурного объекта как динамического процесса, связанного с прошлым, но не подчиненного ему [16, 287]. XX век ставил во главу угла непрерывность самодостаточной архитектурной формы, удерживаемую аутентичными материалами и конструкциями, тогда как сегодня более важной признается связь объекта с людьми, социальной жизнью места. Что именно можно или нельзя менять в здании, определяют показатели экологии и устойчивости. Под-

линность истории связана не столько с материалами или технологиями строительства, сколько с историей тех, кто строил здание или использовал его. «Ничто не создано для вечности», — отмечает в этой связи М.П. Осорио [15, 14]. Более мягкий подход показывают итальянские специалисты, разделяющие консервацию и культурный девелопмент, однако, в документах этой страны фиксируется, что работа с индустриальным наследием представляет собой работу со всеми компонентами его территории, включая социальные и культурные [14, 5].

Эту новую установку подтверждает и изучение позиций специалистов по поводу противоположного процесса — деградации историко-архитектурного наследия, в которой решающая роль отводится не столько физическому ветшанию, сколько деградацию историко-архитектурного объекта можно определить как утрату его функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванную недопониманием его ценности и социально-экономического и культурного потенциала [2].

Категориальный аппарат деятельности по актуализации историко-архитектурного наследия

Продолжая разработку темы деградации и актуализации историко-архитектурного наследия малых индустриальных городов, приведем слова, найденные в одном из источников по теме. Несколько витиеватая формулировка подчеркивает сложность процессов, о которых пойдет речь в статье. «Городская регенерация шире... городского *обновления*, рассматриваемого как процесс физических изменений, городского *развития* (или *редевелопмента*) с его написанной общими словами миссий и гораздо менее четкой целью, и городского *возрождения* (или *реабилитации*), предполагающего необходимость каких-то действий, будучи не в состоянии указать точный метод работы», — пишет автор, подразумевая, что регенерация — процесс с известными, сознательно используемыми методами и конкретными целями [9, 2, перевод автора статьи].

Несмотря на довольно давний год источника цитаты (1990), в ней невозможно оспорить ни стремление К. Коуча из Политехнического университета Ливерпуля добиться четкости в понимании используемых понятий, ни их соподчинение (регенерация как наиболее широкий

процесс, включающий в себя обновление, развитие, реабилитацию). Помимо этого, специалисты используют еще целый ряд терминов, от рефункционализации до джентрификации, вкладывая в них очень разное по объему содержание.

При этом общее запаздывание постиндустриальных процессов в России, точнее, реакции на них со стороны специалистов, делают высказывание найденного нами автора максимально своевременным и «годным к употреблению». Правда, в этом источнике, как и в большинстве других по теме, вопросам архитектуры практически не уделяется внимания. Зато становятся наглядными междисциплинарные связи, вписывающие архитектурную деятельность в комплекс общих урбанистических действий, от восстановления ландшафта до появления новых функций объекта в отношении к городу.

Уточнение понятий требует специальной последующей работы, поскольку даже в один и тот же термин (например, «реновация») разные специалисты вкладывают представление о совершенно разных объемах действий. На наш взгляд, для определения того или иного термина перспективен функциональный подход, позволяющий оговаривать, идет ли речь о только экологических, эколого-социальных, социально-экономических или еще более комплексных задачах, решаемых в рамках регенерации. Вторым важным аспектом является масштаб влияния объекта на территорию или жизнь горожан: скольким людям реабилитируемое здание будет необходимо как место работы, посещения, любования; как оно воздействует на образ территории и «дух места». Этот аспект может напрямую не проговариваться в определении, но учитываться при ранжировании терминов в духе «шире — уже», как у К. Коуча.

Модель деятельности по работе с историко-архитектурным наследием

Проекты по регенерации историко-архитектурного наследия, безусловно, не происходят в пустом пространстве. Более того, они в значительной мере обусловлены всеми социально-экономическими, культурными, политическими и другими процессами, происходящими в пространстве, где находится индустриальный объект. Это становится наглядным при изучении успешного опыта крупных проектов данного направления, например, Эмшер-парка в Рурской области Германии,

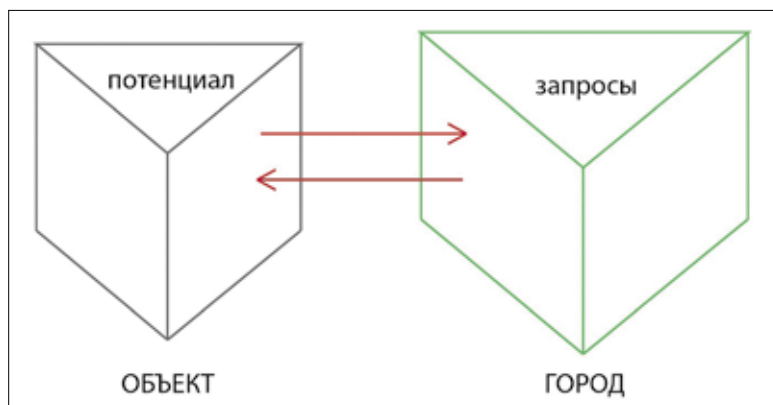

Иллюстрация 1. Принципиальная схема регенерации историко-архитектурного объекта. Стороны призмы соответствуют экономическим, социокультурным и собственно архитектурным значениям. Рисунок Т. Ю. Быстровой

где рассказ о появлении концепции ландшафтного парка сопровождается описанием более чем полувековых социальных, хозяйственных, экологических, политических коллизий [13]. Возвращаясь к уже анализируемому материалу [1; 4, 152–154], отметим новые детали этого известного проекта. Т. Сильвертс и К. Ганзер фиксируют подготовительные этапы, приведшие к оформлению самой идеи ландшафтного парка в Германии [17]. Интересно, что в качестве основы выделения этапов они берут весь комплекс предпосылок, от экономических до социальных. Так, этап «сильных городских советов по строительству» и «сильных градостроителей» (даты авторами не указаны) связывается ими с высоким уровнем социального согласия и доверием к специалистам, занятым проблемами развития городов. Второй этап, начавшийся в 1960-х гг., связан с возрастанием роли научного планирования. Для него характерна усложненность деклараций и действий, отсутствие обратной связи от населения, которые, в свою очередь, привели к разочарованию в «научном» подходе. С середины 1970-х гг., когда начался третий этап развития городов Германии, включая промышленные, проекты становятся менее масштабными. Одновременно возрастает интенсивность участия горожан в проектах, равно как экологическая составляющая этих действий. Наконец, на четвертом этапе возникает планировочный подход, который обозначается авторами как «перспективный инкрементализм», когда цели проектов в городах Германии сохраняют свой масштаб и прямо прописываются в проектных документах. При этом стратегические планировочные решения максимально индивидуализируются. Возрастает роль экономических инструментов

реализации проектов по сравнению с правовыми.

Непривычность осмысления задач реабилитации связана с тем, что, с одной стороны, архитектурная проблематика как бы размывается масштабами и разнообразием сопутствующих социальных, экономических, культурных процессов; с другой стороны, в самой архитектуре на первый план выходят память, персоналии и события, а в нынешнем виде — социальные и культурные возможности объекта, а не только достоинства конструкции или стиля.

Для того чтобы снять вопросы первостепенности тех или иных факторов реабилитационных процессов, введем следующую систему координат. Очевидно, что регенерация и сопутствующие ей процессы произойдут при наличии двух встречных движений. С одной стороны, анализ конкретного города или территории скажет специалистам, что именно на данном этапе городу не хватает больше всего (как правило, для постиндустриальных городов, это зеленые зоны, общественные пространства, места взаимодействия, образовательные площадки для людей разных возрастов и т. п.). С другой стороны, изучение деградирующего промышленного объекта покажет совокупность действий, препятствующих его забвению, бесхозности, разрушению; продемонстрирует его ценность; даст возможность определить его потенциал при решении задач города и его жителей; выявит границы современных архитектурных интервенций. Успешные проекты рождаются при совпадении, хотя бы частичном, потребностей горожан и конструктивного и ценностного потенциала объекта, причем этот процесс имеет архитектурное, социальное и стоимостное измерения (Иллюстрация 1).

Особое внимание обратим на стрелку обратной связи: когда объект «возвращается» в городскую жизнь, его ценность и стоимость возрастают. Так, согласно данным других британских специалистов, открытие только одного историко-культурного центра в Честере сопровождалось появлением около ста рабочих мест (полный и частичный рабочий день), на 15% активизировало торговлю в магазине, относящемся к этому центру, создало поле деятельности для волонтеров и т. д. [10, 8]. Подобные показатели считаются сегодня первостепенными при работе с архитектурным наследием.

Принципы деятельности по работе с историко-архитектурным наследием

Как общие установки, принципы чрезвычайно важны для крупных междисциплинарных проектов. Они обеспечивают вариативность отдельных решений и, вместе с тем, их взаимосвязь, следование определенному курсу. К сожалению, в российских источниках по теме они: а) чаще декларируются, чем выводятся; б) имеют слишком общий характер, не дающий им выполнять роль «направляющих» проектов по актуализации наследия (как, например, в [5]).

Если снова вернуться к невероятно разнообразному и полезному опыту Рурской области, то он дает полезный пример ведения самых разнообразных проектов на основе единых принципов, соотносящихся с программными документами. Так, создатели парка у знаменитой шахты Цолльферейн, являющейся не только объектом всемирного наследия, но и квинтэссенцией преобразований Рура, Х. Фриц, С. Виенке, К. Шрайбер, др. (2005–2014) выделяют принципы отношения к объекту индустриального наследия:

- акцентировать архитектурный ансамбль;
- быть сдержанными в ландшафтной архитектуре;
- уважать существующие объекты, сохраняя их промышленную сущность;
- добиваться того, чтобы место выделялось для посетителей [18].

Данные принципы задают *двуединство* аккуратного и, вместе с тем, достаточно творческого проекта, в котором главные изменения касаются контекста и второстепенных деталей, не деформируя основной объект. Это привело к появлению пространства с контрастными формами — простыми объемами промышленных объектов и разно-

образом растений, которым дают расти «как попало», тем не менее, постоянно следя за их внешним видом. Практические соображения тоже никогда не забывались. Генплан, разработанный группой планирования Оберхаузена, предусматривал четырехкилометровую кольцевую набережную, окружающую парк, так чтобы посетитель примерно за час мог обойти всю территорию. Промышленные объекты отделены от места прогулки широкой полосой луга, между дорожками проходит стальная полоса с красными светодиодными лампами, помогающими ориентироваться в разное время суток (Иллюстрация 2). Бывшие железнодорожные пути сохранены, но превратились в дорожки. Когда на территории все предусмотрено для посетителей, заброшенное пространство стало не только благоустроенным, но и открытым.

Экспозиция выставки рядом с шахтой создавалась с целью знакомства посетителей с историей места и понимания его идентичности. Бывшее промышленное оборудование представляло собой инсталляции, имевшие принципиально некоммерческий характер. Постепенно импровизированные и временные объекты сменялись стационарными и долговечными. Сегодня территория шахты является центром творческих практик и культурных проектов в Эссене, особенно в сфере архитектуры и дизайна. Здесь находятся галерея современного искусства, центр дизайна земли Северный Рейн-Вестфалия, музейный маршрут «Путь угля», керамическая мастерская и другие точки притяжения — прежде всего, жителей территории.

Приоритет культурной и социальной составляющих в проектах Эмшер-парка. «Цолльферайн необходимо понять, как пример культуральной регенерации, изменений в городском планировании, ориентированном на знаковые культурные инициативы...» — отмечает автор, называющий Эмшер-парк «социальной лабораторией» (термин Чикагской школы социологии. — *Прим. Т. Быстровой*). «Экспозиция ИВА Эмшер-парк или международная танцевальная ярмарка начали процессы трансформации, которые привели к созданию флагманских проектов, таких как школа танцев РАСТ и музей дизайна Red Dot. Они были культурными катализаторами для создания новых творческих индустрий и превращения Цолльферайн в место культурной идентичности региона» [11, 1].

Иллюстрация 2. Парк Цолльферейн, ФРГ. Фото: Claudia Dreyse. Фото с сайта: <https://www.cube-magazin.de/magazin/ruhrgebiet/>

От принципов к ценностям: метод Дж. Клавера

Имеющий сходные с другими названными авторами установки, но при этом сохраняющий верность более привычному для специалистов типологическому подходу, «мультикритериальный» метод Дж. Клавера (J. Claver) и его коллег конкретизирует процедуру оценки текущего состояния историко-архитектурного промышленного объекта и последующего выбора возможных действий по реабилитации с учетом запросов места и социума. Осознанно или непреднамеренно используя идею энумерации Р. Декарта, авторы обозначают его как АНР — «процесс аналитической иерархии» [8, 175]. Метод не бесспорен и должен быть апробирован в российских условиях, что будет сделано в дальнейшем с использованием моделей.

Выделяя в свойствах архитектурного индустриального объекта неизменные («родовые») черты, эти специалисты призывают считать ими на любом этапе те, что связаны с производственной функцией здания, — в противовес выведению на первый план художественных или архитектурных качеств (которые учитываются на более поздних этапах анализа объекта). Первый уровень критериев (CR1) они связывают с промышленными значениями — используемыми технологиями, исторической и социальной значимостью, географической уникальностью здания [8, 177]. При этом, к примеру, подчеркивается нецелесообразность учета географической уникальности, поскольку, даже будучи очень редким, объект может быть несовместим с современными запросами и современными активностями на территории.

Второй уровень критериев (CR2) представляет собой детализацию более масштабных и общих черт, выведенных на начальном этапе. Оцениваются уникальность того или иного элемента здания с технологической точки зрения — то есть то, как он был спроектирован и реализован; степень его инновационности; степень сохранности и текущее состояние.

Что касается собственно архитектурной оценки, то «анализируются методы строительства, стиль архитектуры, внешний вид, размер и параметры пространства» [8, 177], после чего производится сравнение этих характеристик с «требуемыми» для территории качествами. В результате сравнения критериев всех уровней получается обратная матрица — оценка ведется от текущего социального «запроса» к решению по поводу того, что будет сохранено или трансформировано в историческом здании.

Авторы метода признают свое стремление вывести универсальные критерии, одновременно допуская, что в отдельном здании значимость того или иного критерия может оказаться более важна, чем во всех других случаях. Умение увидеть это, учесть и вписать в общие параметры проекта они считают залогом эффективности метода, его адаптивности к различным условиям и задачам [8, 179].

На следующем шаге они задают вопрос о том, как проанализировать на совместимость наличные качества объекта индустриальной архитектуры и потребности в его новом использовании. Критерии CR3 (наличие устойчивой площадки, занятой оборудованием; само это оборудование, находящееся в хорошем состоянии; свободные зоны большой площади; непрерывность этих зон и т. п.)

выводятся ими для соотнесения с теми типами зданий, в которых нуждается город или территория. Проверка на соответствие критериев второго и третьего уровня в форме матриц позволяет, по их мнению, непредвзято определить, будет ли это выставочное или торговое пространство, спортивный или культурный центр и т. д.

Последовательный перевод качественных характеристик архитектурных объектов (ценности) в количественные, использование эпюр, диаграмм и матриц, упоминание 500 уже подвергнутых анализу объектов выглядит достаточно убедительным, но, естественно, нуждается в эмпирической проверке в местных условиях. С одной стороны, метод уводит от произвольных неоправданных решений о судьбе объектов индустриального наследия, препятствует его уничтожению. С другой стороны, здесь есть вероятность схематизации и даже подгонки определенных результатов.

К непроясненным и дискуссионным в данной методике относятся следующие моменты:

- Почему технологическое наполнение индустриального здания оказывается первостепеннее его архитектурных и градостроительных качеств?
- Как при принятии решения учитывается актуальный социально-экономический и градостроительный контекст — например, при диверсификации экономики или получающих распространение стратегиях развития туризма в малых городах? Ценно ли для их идентичности их индустриальное наследие?
- Если индустриальное здание потеряло свою историческую составляющую и о нем нет соответствующей информации, то кто и в какой момент берет на себя достаточно долгосрочную задачу поиска исторических данных о технологиях, событиях, персонах? Как в подобном этапе могут быть заинтересованы девелоперы или архитекторы?
- Если на урбанизированной индустриальной территории есть много функционально схожих архитектурных объектов, наполненных в свое время одинаковым оборудованием и технологиями, то что влияет на принятие решения о перепрофилировании в большей степени — значимость объекта для данного конкретного города или степень его сохранности?
- Наконец, как привести людей на территорию, долгое время бывшую в запустении? Получающие все более широкое распространение в мире соучаствующие (партиципаторные) подходы в данной методике не учитываются.

Заключение

Поиск перспективных и удобных методов регенерации объектов индустриальной архитектуры в малых городах Урала показывает, что в обширной мировой практике можно найти проектные инструменты, используемые специалистами в схожих условиях. Принципы и методы, обозначенные в статье, уже апробированы, они привели к хорошим результатам. Сформулированные критические вопросы помогут адаптации методов к запросам и условиям малых городов.

Список использованной литературы

- 1 Быстрова Т. Ю. Парк Эмшер: принципы и приемы реабилитации промышленных территорий // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2014. — № 2. — С. 9–15.
- 2 Быстрова Т. Ю. Реабилитация историко-архитектурного наследия: международный опыт // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2019. — № 4. — С. 32–37.
- 3 Лазарев К. В. Методы архитектурно-ландшафтной реабилитации нарушенных территорий: дис. ... канд. арх. — М.: МАРХИ, 2003. — 208 с.
- 4 Лэндри Ч. Креативный город. — М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2011. — 399 с.
- 5 Степанова М. А. Структура подходов к архитектурно-ландшафтной ревитализации исторических центров городов // Вестн. СГАСУ. Градостроительство и архитектура. — 2011. — № 3. — С. 24–26.
- 6 Buchli V. The Social Condenser: again, again and again — the case for the Narkomfin Communal House, Moscow // The Journal of Architecture. — 2017. — № 22 (3). — P. 1–16.
- 7 Cizler J. Urban regeneration effects on industrial heritage and local community — Case study: Leeds, UK // Sociologija i prostor. — 2012. — Vol. 193 (2). — P. 223–236.
- 8 Claver J., Sebastian M. A., Sanz-Lobera A. Opportunities of the Multicriteria Methods in the Study of Immovable Assets of the Spanish Industrial Heritage // Procedia Engineering. — 2015. — № 132. — P. 175–182.
- 9 Couch C. Urban Renewal Theory and Practice. — Basingstoke: Macmillan, 1990. — 187 p.
- 10 Culture-led regeneration. Achieving inclusive and sustainable growth. Summary. — London: Local Government Association, 2016. — 24 p.
- 11 Dorstewitz Ph. Planning and Experimental Knowledge Production: Zeche Zollverein as an Urban Laboratory // International Journal of Urban and Regional Research. — 2013. — 19 p. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12078> (дата обращения: 02.01.2020).
- 12 Edensor T. Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality. — Oxford: Berg Publishers. — 197 p. — URL: <https://epdf.pub/industrial-ruins-space-aesthetics-and-materiality.html> (дата обращения: 02.01.2020).
- 13 Kilper H. Die Internationale Bauausstellung Emscher Park: Eine Studie zur Steuerungsproblematik komplexer Erneuerungsprozesse in einer alten Industrieregion. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 1999. — 376 S.
- 14 Lusiani M., Panozzo F. Culture on Top: Beyond Museification and Culture-Led Regeneration of Industrial Heritage // Università Ca' Foscari Venezia Department of Management Working Paper N 2. 2016/02. Available at SSRN. — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2802754>.
- 15 Osorio M. P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // ICOMOS University Forum. — 2018. — № 1. — P. 1–17.
- 16 Schrenk M., Amine Casanova Rosado A., et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research: a Tool for Conservation // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband. 8–20 May 2011, Essen. — P. 285–292. — URL: <http://www.corp.at> (дата обращения: 21.01.2020).
- 17 Sielverts T., Ganser K. Vom Aufbaustab Speer bis zur Internationalen Bauausstellung Emscher Park und darüber hinaus. Planungskulturen in der Bundesrepublik Deutschland // disP — The Planning Review. — 1993. — Vol. 29. — Iss. 115. — P. 31–37.
- 18 Zollverein Park. Freianlagen Welterbe Zeche und Kokerei Zollverein in Essen. — URL: <https://www.landschaftsarchitektur-heute.de/projekte/details/1127> (дата обращения: 29.12.2019).
- 1 Bystrova T. Yu. Park Emsher: principy i priemy rehabilitacii promyshlennyh territorij // Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN. — 2014. — № 2. — S. 9–15.

References

- 1 Bystrova T. Yu. Park Emsher: principy i priemy rehabilitacii promyshlennyh territorij // Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN. — 2014. — № 2. — S. 9–15.

- 2 Bystrova T.Yu. Reabilitaciya istoriko-arhitekturnogo naslediya: mezhdunarodnyj opyt // Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN. — 2019. — № 4. — S. 32–37.
- 3 Lazarev K.V. Metody arhitekturno-landshaftnoj reabilitacii narushennyh territorij: dis. ... kand. arh. — M.: MARHI, 2003. — 208 s.
- 4 Lendri Ch. Kreativnyj gorod. — M.: Izd. dom «Klassika-HKHI», 2011. — 399 s.
- 5 Stepanova M.A. Struktura podhodov k arhitekturno-landshaftnoj revitalizacii istoricheskikh centrov gorodov // Vestn. SGASU. Gradostroitel'stvo i arhitektura. — 2011. — № 3. — S. 24–26.
- 6 Buchli V. The Social Condenser: again, again and again — the case for the Narkomfin Communal House, Moscow // The Journal of Architecture. — 2017. — № 22 (3). — P. 1–16.
- 7 Cizler J. Urban regeneration effects on industrial heritage and local community — Case study: Leeds, UK // Sociologija i prostor. — 2012. — Vol. 193 (2). — P. 223–236.
- 8 Claver J., Sebastian M.A., Sanz-Lobera A. Opportunities of the Multicriteria Methods in the Study of Immovable Assets of the Spanish Industrial Heritage // Procedia Engineering. — 2015. — № 132. — P. 175–182.
- 9 Couch C. Urban Renewal Theory and Practice. — Basingstoke: Macmillan, 1990. — 187 p.
- 10 Culture-led regeneration. Achieving inclusive and sustainable growth. Summary. — London: Local Government Association, 2016. — 24 p.
- 11 Dorstewitz Ph. Planning and Experimental Knowledge Production: Zeche Zollverein as an Urban Laboratory // International Journal of Urban and Regional Research. — 2013. — 19 p. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-2427.12078> (data obrashcheniya: 02.01.2020).
- 12 Edensor T. Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality. — Oxford: Berg Publishers. — 197 p. — URL: <https://epdf.pub/industrial-ruins-space-aesthetics-and-materiality.html> (data obrashcheniya: 02.01.2020).
- 13 Kilper H. Die Internationale Bauausstellung Emscher Park: Eine Studie zur Steuerungsproblematik komplexer Erneuerungsprozesse in einer alten Industrieregion. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 1999. — 376 S.
- 14 Lusiani M., Panozzo F. Culture on Top: Beyond Museification and Culture-Led Regeneration of Industrial Heritage // Università Ca' Foscari Venezia Department of Management Working Paper N 2. 2016/02. Available at SSRN. — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2802754>.
- 15 Osorio M.P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // ICOMOS University Forum. — 2018. — № 1. — P. 1–17.
- 16 Schrenk M., Amine Casanova Rosado A., et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research: a Tool for Conservation // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband. 8–20 May 2011, Essen. — P. 285–292. — URL: <http://www.corp.at> (data obrashcheniya: 21.01.2020).
- 17 Sielverts T., Ganser K. Vom Aufbaustab Speer bis zur Internationalen Bauausstellung Emscher Park und darüber hinaus. Planungskulturen in der Bundesrepublik Deutschland // disP — The Planning Review. — 1993. — Vol. 29. — Iss. 115. — P. 31–37.
- 18 Zollverein Park. Freianlagen Welterbe Zeche und Kokerei Zollverein in Essen. — URL: <https://www.landschaftsarchitektur-heute.de/projekte/details/1127> (data obrashcheniya: 29.12.2019).

Tatiana Bystrova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Ural Federal University, Chief scientific officer «TsNIIP Minstroy Russia», Russian Federation
e-mail: taby27@yandex.ru

Статья поступила в редакцию в январе 2020 г.

Опубликована в марте 2020 г.